

The background of the book cover is a composite image. The top half shows a dark blue sky with a thin white contrail from an airplane streaking across it. On the right side, the curved horizon of the Earth is visible against the blackness of space. The bottom half of the cover features a cityscape at dusk or dawn, with several tall skyscrapers and a body of water in the foreground that reflects the buildings and the sky. A semi-transparent blue rectangle is overlaid on the top half, containing the author's name and the title.

Александр Петрожицкий

Новая притча

16+

Александр Иосифович Петрожицкий

Новая притча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53816317

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге параллельно идут 2 сюжетные линии. Первая – это экзистенциальная пауза человека, лежащего в больнице после серьёзной аварии. Его наблюдения и мысли о больничном укладе, людских отношениях, о вечной российской неустроенности, о вере и единой картине главных духовных учений. Вторая – это притча о человеке, пришедшем спасти мир от уничтожения.

Александр Петрожицкий

Новая притча

Не важно, во что ты веришь,
важно, как ты относишься к ближнему

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга была написана в 2007 году и до того, как я прочёл «Двенадцатую планету». Однако это ничего не меняет: люди останутся прежними, а великую книгу Захарии Ситчина, как оказалось, знают очень немногие.

ПРИТЧА

Сначала не было ничего. Бог спал в пустоте и не знал, что он бог и что он спит в пустоте.

Потом было слово. Слово было *ты есть*, и бог узнал, что он бог и что он один в пустоте.

И отделил бог твердь от пустоты, свет от тьмы, и был один. Из тверди создал бог мир, в мире создал воду и землю, населил их живыми существами и был один. Ибо созданное им было совершенно, и никто не мог сказать ему, что он бог.

Тогда бог создал человека по образу своему и подобию, и человек сказал богу, что он бог. Ибо лишь несовершенный имеет нужду в боге.

И как бог, создавая многие вещи, терял свою цельность,

так и человек стал повторять в себе бога.

Одного человека звали Онда Амати. Откуда он пришёл и куда уйдёт после, Онда ничего не сказал. Говорят, что мудрость его началась во сне. Во сне он взошёл на гору, стоящую над миром, и увидел у ног своих землю, вокруг себя небо, и всё это в себе самом. И сказал так:

– Как всякая капля воды уже есть вся вода, так и всякая вещь уже есть весь мир. Тогда бог не может быть больше меня, а я не могу быть больше него. Не нужно искать бога, нужно искать Создателя.

И, сказав так, Онда начал спускаться.

Когда он спустился настолько, что вершина горы закрыла солнце, то увидел старика, сидящего на широком камне. Онда приветствовал его, и тот спросил:

– Никто не поднимается на эту гору случайно и никто случайно не возвращается. Зачем ты идёшь вниз? Не несёшь ли ты какое-нибудь знание? Или ты хочешь стать великим царём?

– Что за честь быть царём дураков? – отвечал Онда весело, – А что касается знания, то оно у меня есть, но открою его немногим, ибо знание живо пока открыто немногим. Лишь только грязные руки толпы коснутся его, оно умирает или становится безобразным уродом, и хитрейшие водят его по площадям, показывая за деньги и говоря: вот истина, поклоняйтесь ей! И не мир несу я в мир, и не меч, но лишь сухие

голые ветви, чтобы бросить их в огонь человеческой глупости: только зола остановит огонь, если нет больше воды!

Так говорил Онда Амати, а старик довольно кивал, поскольку очень нравилось ему настроение Онды и его манера говорить. Амати тоже был доволен, что сумел найти столь ловкие слова и таким образом не ударил лицом в грязь. Они дружески простились, и Онда продолжил свой путь.

Дорога привела его к морю. Здесь внизу оно уже не казалось ровным зеркалом мира. Воздух потемнел и сгустился; деревья испуганно притихли и стали как будто меньше; звери искали себе укрытия и молчали; чайки чертили числа низко и рядом, ступали по камням; камни остывали; вода потемнела лицом и затосковала предчувствием близкого помешательства. И лишь далеко, много дальше, чем достигает несмелая мысль, с небес лился светлый поток взором Создателя, заставляя воду сиять и грезить парусами.

Но вот тьма рассеяла его, осыпав блёстками в бездну, и восстал из бездны дух чёрный с горящим взором и закричал страшно, и могучий гром вторил его крику, а блеск молний сливался с блеском глаз его. Вода почернела лицом, и пена безумия выступала на нём, когда бросалась она на землю, думая, что сейчас её уничтожит. Грудь земли стонала от страшных ударов, но лик её был неподвижен и скорбен, как у матери при виде безумного сына.

И тёмн и скорбен был лик смотрящего. Вокруг рушились скалы, огромные волны бились у самых ног его, но ни одна

капля не омочила их, и ни один камень не коснулся тела его, ибо знали стихии, что он не ведаёт страха и потому бессмертен.

Долго неистовствовал дух, истязая себя и землю, но вот ослабел и рухнул в бездну, его исторгшую. Тьма рассеялась, первые лучи солнца коснулись воды, по телу которой лишь изредка пробегали судороги.

И вот уже опять сияли волны под солнцем и ласкали землю, и она цвела, благословляя всё живущее под небесами.

– Так зачем вернулся я? – спросил себя Онда, – Я вернулся, ибо так хочет мой дух. Там, на вершине, только один шаг отделял меня от неба, и ясность зрения чуть было не ослепила меня навсегда, но я не сделал этого шага. Потому что небо есть бессмертные души, но смерть духа. Душа любит смерть, душа жаждет смерти, не успеет она войти в новое тело, как уже старым кажется ей оно, и не терпится ей продолжить свой путь. Дух не приемлет смерти, он её великий противник. Я выбираю дух.

И долго ещё сидел Амати, подставив лицо тёплому ветру, пока не пришла к нему мысль о предстоящем пути. И он проснулся.

ОДИН ДЕНЬ

Боль как судьба: каждый несёт её в одиночку, и никто не может отдать свою или взять чужую.

Это я ответил на СМС такого содержания: «Господи, если

бы я могла взять твою боль!». Я вообще убеждён, что человек обязан отвечать на любое письмо кроме случаев, когда он хочет показать адресанту, что его в упор не видит – тогда не ответ и есть лучший ответ. Человек, не отвечающий на письма, мне не интересен. Конечно, можно с этим спорить, но как бы вам объяснить? Мне 45 лет. На сегодняшний день я прожил достаточно богатую событиями жизнь, чтобы позволить себе какие-то обобщения и выводы, поэтому сразу говорю: не нужно спорить. Много лет назад один умник сказал «истина рождается в споре», и просто удивительно, сколько людей с удовольствием или со значением повторяют эту бессмысленную фразу. Цель у спорщика только одна: доказать, что он лучше. И где же здесь истина? Амбиции субъективны, истина объективна, так что родиться в споре она не может по определению. Я не читал оригинальной версии, относящейся, безусловно, к науке, но думаю, что это вина переводчика, что в оригинале вместо «спора» было «обсуждение». Просто «истина рождается в споре» звучит лучше, во фразе есть ритм, что для пословицы ровно половина успеха, вот переводчик и пожертвовал смыслом. В общем, давайте поменьше спорить, а переводчик – бог с ним.

Я лежал на шестом этаже, и впереди у меня была ночь. На центр вселенной валилась огромная луна, заливая светом огромный город Москву, так что вид был просто сказочный, как декорации к «Лебединому озеру». Панорама большого города всегда величественна, что бы ни происходило в небе

и ближайшем космосе. Например, гроза, за которой наблюдаешь с высокого этажа, или широкий луч солнца в разрыве туч, который прочно ассоциируется с божьим оком. В общем, огромная луна висела над огромным городом, и бесчисленные строения с горящими окнами казались процветающей космической колонией. Бывало, я часто подставлял лицо лунному ветру и позволял унести себя в страну грёз, но сейчас я видел только небесное тело и город с исправной энергоподачей. У кровати есть одно фатальное свойство: если долго на ней лежать, она навязывает свою концепцию пространства. То есть, скручивает его вокруг себя, и вы начинаете жить как бы за стеклом: всё видно и слышно, но звуки приглушены, а запахи жизни остались только в памяти.

А ещё ночью полагаются всякие эротические видения — почему нет, если не спится? Вот с этим поначалу были большие проблемы. Дело в том, что в реанимации человеку в бессознательном состоянии вставляют в мочеток резиновую трубку-катетер, чтобы он мог отправлять физиологию, не пачкая простыней. Хорошо, полежал он в реанимации, а после, как переводится в обычное отделение, катетер вынимают, и тут начинается интересное: резинка полностью разрушает нормальную мочеиспускательную функцию (проще говоря, писать больно), и для её восстановления нужно пить особое лекарство. А уж если, не дай бог, эрекция, то воистину не дай бог!

И в конце концов, ночью полагается спать. На удобной

кровати, на чистом белье, заняв, накрутившись вволю, лучшую позицию, и хорошо бы рядом сопело любимое существо... Господи, о чём я говорю! В моём случае сон это нахождение удобного варианта всё той же позы. В смысле, что со спины мне всё равно никуда не деться, но можно как-нибудь её пристроить, или чуть повернуть ногу, чтобы она не болела или болела настолько, что к боли можно было привыкнуть, сжиться с ней, приняв её за часть естественного процесса. И как только это происходит, измученный организм тут же сдаёт, и вы засыпаете. Но больничный сон чуток и тревожен, поэтому если больной не обладает бесценным даром толстокожести, проснуться ночью ему придётся не один раз. Во-первых, его может разбудить собственно заведение. Самый простой случай – визит медсестры, призванной делать уколы и ставить капельницы. Свой инвентарь сестра возит на тележке, скрипящей так, словно она должна предупредить мир о немедленной катастрофе. У неё есть список, в котором указаны номер палаты, данные пациента и назначенные лекарства. Только сегодня вместо сестры брат Толик по кличке зачарованный. Толик не любит смотреть в список (может, в детстве его травмировали каким-нибудь списком), он вкатывает тележку в палату, зажигает свет и громко спрашивает:

– Ну чего, кому какие уколы?

И узнав, что никому никакие, пожимает плечами и выкатывает своё беспокойное хозяйство.

Времени 00.00.

Впрочем, сегодня ему есть дело: поставить капельницу мне, и он даже об этом знает. Вот он кладёт нужную бутылочку в штатив, протыкает иглой пробку и начинает сливать из трубочки прямо на пол. Я не выдерживаю:

– Ты зачем льёшь на пол, имбецил? Хочешь, чтобы кто-нибудь поскользнулся или прилип?

Выражение его лица несколько не меняется, всё та же вялая зачарованность нового поколения, но он втягивает шею в туловище и чуть прядает маленькими ушами – не привык к подобному обращению. От растерянности он направляет трубочку в моё судно, стоящее рядом с кроватью, и, конечно, обливает его. Не хватало мне ещё голой задницей сесть на липкое! Я заставляю его взять бумагу и хорошенько вытереть борта. Даже в наше бессердечное время нечасто встретишь пример такого чистого, такого наивного детского презрения к людям, какое живёт в Толике. Когда он в первый раз ставил мне капельницу, на соседней кровати вдруг объявился интересный журнал. Толик бросил иголку, которой до этого примеривался к моей вене, и пересел на соседнюю кровать. Это как если бы официант, принимающий у вас заказ, вдруг бросил на стол блокнотик и побежал с кем-то здороваться. Кстати, зачарованный Толик на третьем курсе медицинского, поэтому не исключено, что он будет лечить кого-нибудь из вас. Во-вторых, разбудить могут товарищи по палате. Вообще, нас трое – я имею в виду тех, кто лежит уже

больше месяца, – плюс ещё две койки, пользователи которых меняются каждую неделю. Вот раз поступил к нам очень беспокойный человек. У него был перелом двух рёбер, который в институте за травму и не считается. Если кости не вошли в лёгкое и не образовалась жидкость, то держат как раз шесть дней, после чего выписывают. Новый сосед постоянно приходил в ужас от бардака (его слова), царящего в институте и трогательно пытался пройти под свои рёбра полное обследование организма, пока, наконец, не был вежливо послан лечащим врачом. Так вот, в день накануне выписки этот беспокойный человек начал собираться часов в семь вечера и, честное слово, закончил только к полуночи. Главным камнем преткновения стали его продукты питания, которыми он заставил полхолодильника и о которых никак не мог решить, взять ли их домой, принять перорально на месте или – прости, господи! – выбросить. Он без конца шуршал пакетами, открывал банки, разводил нудные сентенции про бардак и про «а вот раньше», а время шло, отдаляя сон. Ровно в полночь он успокоился, и сон уже томно улыбнулся мне из тумана неопределённости, как вдруг беспокойный человек вспомнил, что забыл надуть шарик! Это прогрессивное упражнение советуют вообще всем, а тем, которые с рёбрами, в особенности. И он стал надувать шарик. Сон обиженно фыркнул и пропал, а я лежал и чувствовал себя то ли прожжённым гусаром, то ли деникинским офицером времён Гражданской – в общем, кем-то бесшабашным, проспирто-

ванным, пропахшим табаком и (чёрт побери!) так некстати раненным. Рука моя сама нашарила пистолет на левом бедре и достала его из кобуры. Какое-то время я, скривившись, смотрел на потуги этого недоноска, а когда шарик раздулся до степени крайности, прострелил его с первой же пули. Недоносок вздрогнул и присел. Я продул ствол, убрал пистолет и с картинным зевком сказал:

– Я плохо стреляю с левой, поэтому за следующий выстрел ручаться не могу.

И знаете что: шарик ведь действительно лопнул, и уже мне кажется, что в тот момент, когда я мысленно выстрелил! Не открылись ли у меня какие паранормальные способности?! Ночью, кстати, тоже могут привезти новенького, снизу из свежих поступлений. Однажды привезли сразу двух. Помнится, один впоследствии громко храпел, а другой был глух: вместе им было хорошо.

Итак, нас в палате трое. По диагонали напротив кровать Петра. Он примерно одного со мною возраста, фамилия его Захватов. Я тут же стал называть его «женераль Захватов» – и Булгакова люблю, и фамилия очень располагает. Например, летом мы никогда не закрывали балкон, и рано утром нас посещал толстый голубь на предмет крошек, которых на полу, конечно, водилось. Сначала было интересно, но однажды голубь опорожнился прямо на пол, и тогда его стали гонять. Услышав знакомое птичье цоканье, я спрашивал в крайнем раздражении:

– Жене­раль, поче­му не от­кры­вае­те огонь?

– Есть огонь! – от­ве­чал Пётр и швы­рял в голу­бя чем-ни­будь лёг­ким.

Пётр и пра­ва­да по­хож на воен­но­го: у него взгляд не без лукавства, армейские усы, короткая стрижка, и он удивительно подходит под определение «отец солдатам». Одна из его любимых тем – армия, а ещё охота и места, которые он в этой связи посещал. Пётр с удовольствием поёт негромким голосом песни военных лет. История его болезни самая сложная и запутанная. Он помнит, что сначала много выигрывал на бильярде, а потом его угостили конфетой с мармеладом, и больше он ничего не помнит. Пришёл в себя уже в больнице, с травмой руки. Руки, собственно, не было, и ампутация казалась неизбежной, но по непонятной иронии судьбы Пётр был привезён из области, где его нашли, в наш институт. Врачи сошлись на том, что по его руке проехала автомашина, и взялись руку спасать – то ли из соображений престижа и профессионального интереса, то ли из человеколюбия. И ведь спасли! Сейчас, после четырёх операций, он носит аппарат Елизарова и надеется, что всё будет хорошо.

Аппарат Елизарова внешне смотрится очень неплохо, есть в нём такая соразмерность и дизайн. Раньше я думал, что его ставят вместо гипса. Гипс тяжёлый, обременительный, кожа не дышит, а тут лёгкая сверкающая конструкция с симпатичными гаечками. Это я здесь узнал, что она крепится к повреждённой конечности посредством спиц, кото-

рые сквозь конечность и проходят, и что цель всего этого поставить на место кости как раз вращением симпатичных гаечек. Каждый поворот означает смещение кости, так что представьте себе, как это порой бывает больно.

Времени 02.30.

Пётр сидит на кровати и качается. Вечером ему опять вертели гайки, потом сделали обезболивающий укол, но сейчас действие укола кончилось, и он качается от боли и безысходности: в такие моменты всегда кажется, что конца этому не будет. Я не сплю, но стараюсь никак этого не обозначить. Если бы я мог ходить, я бы вышел с ним на балкон поговорить в ночной прохладе при луне. Но я не хожу, и Пётр, накинув странный пиджак, похожий на обрезанный по колено халат отставного генерала, выходит курить один.

...он проснулся в овраге, над кромкой которого было небо с отблеском далёкого пожара. Кроме него, здесь находилось ещё много кукол, они мешками висели на перекладинах или на длинных ветках. Было непривычно тихо и ясно, что театр уехал, выбросив старые куклы. Во всём теле звенела острая боль – видимо, его сломали перед тем, как оставить здесь. Он понял, какой страшный конец уготовила ему судьба, и немо завыл, ибо звать на помощь было бессмысленно. Полоска неба сделалась чуть светлей, предметы стали обретать ясность, и до него вдруг дошло, что куклы это тряпочки и целлофановые пакеты, висящие на перекладинах его кровати и кроватей напротив, наваждение рассеялось...

...и я опять встречаю рассвет. Это мои сны, которые нельзя назвать таковыми, нормальные сны мне больше не снятся. И это мой обычный цикл: проснуться два раза ночью, один раз на самом рассвете, ну а после уже как получится.

Времени 05.30.

Времени 07.00.

Я только заснул, и уже будят. Это Людмила Сергеевна, маленькая женщина с волшебными руками. Она часто напускает на себя строгость, но её легко рассмешить.

– Только уснул, – бормочу я, доставая из-под одеяла левую руку.

Людмила Сергеевна тут же вскипает:

– Так! Это не мои проблемы!

Она перетягивает мне руку жгутом, обязывает поработать кулаком и начинает готовить шприц. Я опять засыпаю и просыпаюсь оттого, что Людмила Сергеевна снимает жгут и уходит.

– А кровь? – бормочу я.

Она показывает мне полную пробирку и делает на прощанье ручкой. Вы понимаете? Она проткнула мне вену, взяла кровь, а я и не проснулся. Кроме неё, во всём отделении есть ещё только Сашенька, хирургическая сестра, чьё прикосновение столь же легко, причём сразу видно, что ей это ровно ничего не стоит, она только так умеет. Когда она делает перевязку или снимает швы, человек может расслабиться и даже унести мысли.

Ну, всё – день начался. С соседней кровати слышится тяжкий вздох, затем ещё один и ещё. Это Витя. Адепт, апологет и паладин съестного. Не как тот скупердяй с шариком, который по принципу «лучше в нас, чем в унитаэ». Там имела место вульгарная жадность, здесь же призвание, посвящение и самый смысл экзистенции. Вот мы: мы иногда делимся друг с другом конфетами, всякой выпечкой, а Витя среди нас единственный, кто никогда ничего никому не предложит. И это, повторюсь, не жадность, просто еда для него священна, и поделиться ею всё равно, что, скажем, для доброго христианина дать поносить кому-то свой нательный крест. Он и вздыхает сейчас в надежде, что кто-нибудь из ходячих проснётся и встанет. В принципе, рановато, но сегодня ему повезло: встаёт Володя из вновь прибывших. У него тоже несолидный перелом рёбер, и долго он здесь не залежится.

– Что, Вить, нужно чего? – спрашивает он с участием.

Вить вздыхает ещё жалобнее и начинает длинно рассказывать, как вчера физиотерапевт намучил ему ногу, и он всю ночь не спал. Володю это не слишком интересует, и он собрался идти дальше, но Витя начеку:

– Ладно, дай мне печёночки. В такой маленькой коробочке с пластмассовой крышкой.

Володя лезет в холодильник и некоторое время там роется.

– Не могу найти, нет тут никакой коробочки.

– Как нет? – встревожился Витя, – а на второй полке!

– С красной крышкой?

– Ну да!

– И это, по-твоему, маленькая?

Витя примиряюще трясёт головой. В коробочке печёночка, тушёная в сметане, и салат из помидор со сметаной же. Холодильник у нас работает исправно, поэтому мясо наверняка жестковато и сметана комочками, но это несущественно: Витя начинает есть. По внутренней силе этот момент сравним, например, с фразой «тонкие нервные пальцы коснулись клавиш, и полилась волшебная музыка». Я всё более прихожу к мысли, что Витя рождён, чтобы есть. Хотя он иногда читает и вступает в общий разговор. Он глуховат, сказались годы, проведённые в железных цехах родины, поэтому слышит он весьма избирательно и реагирует так же, но всегда бескомпромиссно, отрезая себе малейший путь к отступлению. Да, забыл: Витя худой, как щепка, ему под 60, и он здесь потому, что на остановке опрометчиво сошёл с тротуара и был сбит подоспевшей автомашиной. Недавно ему прооперировали ногу, и поскольку другие конечности в норме, решили его активизировать, приставив физиотерапевта Костю, но о нём сейчас не будем – дадим поесть человеку.

Ну вот, поел, теперь и время до завтрака веселей. Запил соком из пакета, берёт книгу и предаётся чтению. Вообще, читает он подолгу, и при этом у него такое лицо, что передать совершенно невозможно – ни пером, ни кистью, ни даже через Вестерн Юнион. Ну, разве придёт на ум чичиков-

ский Петрушка.

Времени 07.45.

Ко мне уже прилетала утка на рассвете, и теперь я пытаюсь поступить плотником на судно. Это, естественно, иносказание, понимать его никто не обязан, поэтому я немного поясню. Слово «судно» уже прозвучало выше, а плотник это человек, умеющий работать с деревом. В частности, делать из него разные предметы, например, стул. Сейчас с этим полный порядок, а вот раньше, в самом начале, были проблемы морального толка. Помню, я долго просил врачей, чтобы дали мне костыли, я дойду до туалета, не могу я на судно! Они, конечно, игнорировали мои просьбы, но однажды, когда я вновь заострил вопрос, один из них спросил:

– А ногу ты куда денешь?

– Положу рядом на пол, – отвечал я, уверенный, что положу рядом на пол.

Врач взял меня за ногу, тогда в открытом гипсе, и вдруг поднял вверх. Не закричал я только из принципа.

– Ну что, положил?

Я активно затряс головой и назавтра же поступил плотником на судно. Ведь самое главное доходчиво объяснить, и тогда человек всё сделает как надо.

Времени 08.45.

Входит Тамара, это она сегодня дежурная сестра. Собственно, про Тамару нельзя говорить «входит», для этого у неё слишком яркий темперамент, слишком сильное тело.

Крупноватое, но весьма соблазнительное, смотреть на неё приятно. Итак, дверь распахнулась, и в палату ворвалась Тамара, рыжие кудри врзлёт, вокруг тела вихрятся потоки энергии внешнего мира.

– Так! Быстренько убираем тряпки и пакеты и всё с подоконников!

И убегает.

Сегодня же пятница, профессорский обход! Всю неделю ежедневный простой обход, а в пятницу больных посещает зав. отделением в сопровождении внушительной свиты и лично вникает в каждый случай. У него в меру длинные седые волосы (из-под шапочки видно), безусловное значение во взгляде, умеренная фундаментальность в лице и вполне профессорский возраст. Он подходит к Витиной кровати и начинает вникать в его случай под объяснения Олега Павловича, нашего лечащего врача. Наклоняется, чтобы осмотреть Витину ногу, отклоняется, просвечивая на окно рентгеновские снимки, и почти вся свита в точности повторяет его движения. Следующая кровать моя. Олег Павлович опять показывает профессору снимки, которые за час до этого извлёк из-под моего матраса, и рассказывает про ногу. Профессор внимательнейшим образом её осматривает. Затем Олег Павлович переходит к руке: позавчера с неё сняли гипс, мама часа два отмачивала её и отмывала в воде с бактерицидным мылом, и теперь вид у руки вполне презентабельный. Дело в том, что она срастается криво, и это видно теперь воочию,

поэтому Олег Павлович предложил два решения: или мне вытягивают руку и после кладут снова в гипс, но это минимум на полтора месяца, или в руку вставляют пластину, и тогда она становится оперативной в самое короткое время. Пластину! У меня и тени сомнения не мелькнуло, так я устал лежать. Почему лежать? А кто же мне разрешит костыли, если одна рука сломана и не в гипсе? Ах, почему руку не прооперировали вместе с ногой? Потому что кожные покровы после аварии были в неподобающем состоянии. Вот примерно об этом идёт сейчас высокоучёная беседа. Я молчу и благожелательно на всех поглядываю.

– Подними-ка руку, – говорит вдруг профессор.

Я поднимаю.

– А пальцы шевелятся?

Да, и пальцы шевелятся.

– А ну-ка распрями в локте. Что, больно?

Я морщусь и распрямляю, сколько могу.

– Ну, а вот так? – профессор сжимает свою руку в кулак и начинает им вертеть, как если бы дверь открывал.

Это самое болезненное, но я стараюсь повторить вслед за ним.

Профессор переглядывается с ассистентом, который всегда стоит ближе всех. Это самый нелепый персонаж, который, несмотря на близость к профессору, кажется из всей компании наиболее далёким от медицины. У него лицо тайно пьющего монаха, шапочку он носит, как держал бы меч

человек, всю жизнь бывший писцом, и в нагрудном кармане его халата сложенный стетоскоп, что только увеличивает комичность образа. Итак, профессор переглянулся с ним и спросил как бы у себя:

– И так срастётся, а?

Ассистент важно кивает.

– Всё, не нужно операции.

Я опешил, а профессор уже перешёл к следующей кровати.

Времени 09.00.

09.00?? Ну, это я хватил! Ещё завтрака не было, а я уже прокрутил профессорский обход. Это обычный бывает до завтрака, как раз от девяти до десяти, а профессорский – никак не раньше одиннадцати.

Проснулся Пётр. Ночью он сходил к Володе и получил ещё один обезболивающий укол, поэтому утром спал в полную силу. Я слышу, как он тихонько запел:

Вернёмся с победой,

К тебе я приеду

На горячем боевом коне.

Значит, настроение у него хорошее. Мы приветствуем друг друга поднятием левых рук (у него тоже больная правая) и кратко информируем о ночных занедужиях. Потом он надевает свой странный, но такой уютный пиджак и выходит на балкон курить. Я смотрю ему вслед и только сейчас вижу в полной мере, какое сегодня чудесное утро.

...такое впечатление, что лето вернулось: воздух прозрачен и звенит предчувствием дня, и кажется, что за крышами море.

Это было окончание одной смс-ки.

Времени 09.45.

Вот и завтрак, его слышно издалека, да и прислушиваться нет надобности – достаточно взглянуть на Витю. Завтрак это всегда каша, четыре вида каши. Не на выбор, конечно, а с чередованием по дням: овсяная, манная, гречневая и (самая вкусная) пшённая. А самая импозантная на сегодняшний день – овсяная. Помните, я говорил, что летом мы не закрывали балкон? Сейчас конец августа, балкон мы по-прежнему не закрываем, однако ночи уже прохладны, причём настолько, что требуют присутствия одеяла на теле. Больничное одеяло тяжёлое и колючее, для моей ноги неподходящее даже через пододеяльник, поэтому я продолжаю спать под одной простынкой. Уже пару раз просыпался от холода, но свежий воздух превыше всего! И вот по утрам я, как истинный джентльмен, круглый год спящий с открытым окном, съедаю тарелку овсяного порриджа. Ещё на завтрак обязательно дают яичко вкрутую, кусок хлеба с маслом или опцией в виде сыра и колбасы, и напиток какао.

На минутку заходит Олег Павлович приготовить к обходу снимки, которые хранятся у каждого под матрасом, и сказать кому надо срочное и важное. Мне он говорит, что моя операция дело почти решённое, и назначена на вторник. Я

благодарно улыбаюсь.

Времени 10.15.

Из коридора слышится жизнеутверждающий голос, который не спутать ни с каким другим. Витя вздрагивает, остальные весело переглядываются: Костик! А вот и он сам. Худое тело с округлым животиком, жёсткие чёрные волосы, очки в толстой оправе, всегда как-то на бок, и взгляд хронического оптимиста.

– Так, – кричит он, – спим? Ничего, сейчас мы всех разбудим!

Он некоторое время оглядывается, вспоминая, к кому пришёл, потом взгляд его фокусируется на Вите, и Костик радостно вскидывает брови:

– Так! Хватит спать, работать надо!

Он стаскивает с Вити одеяло, хватая с тумбочки эластичные бинты и начинает бинтовать Витины ноги. Тот хочет поведать доктору о ночных муках, вызванных слишком усердным сгибанием колена, но Костику это не интересно. Он заставляя Витю сесть на кровати и опустить ноги вниз. У Костика своя метода: когда он занимается с пациентом (или пытается – можно и так, и так), то отвлекает его рассказами. Хотя не исключено, что рассказ только один, ибо мы уже в третий раз слушаем весёлую, позволяющую пациенту начисто забыть про боль историю о том, как на последний новый год Костик дежурил, и все напились. И в какой-то момент случилось так, что нужно было отвезти каталку с умер-

шим пациентом в морг. Это поручили Костику, но поскольку все сходились на том, что пациенту теперь спешить некуда, весёлый праздник продолжался. А когда Костик всё же решил исполнить последний долг и вышел в коридор, то увидел сразу две каталки. Это самый загадочный момент в истории. Скорее всего, из какой-то палаты в силу каких-то обстоятельств больные вывезли одного из товарищей и оставили в коридоре. Хотя в этой версии достаточно тёмных мест, но ситуация была такова. Причём вновь прибывший по силе жизненных функций ничем не отличался от соседа, поэтому Костик выбрал ту каталку, которая была ближе. Отвёз, вернулся, и весёлый праздник продолжался. Наутро Костика подняли и сообщили, что отвезённый им пациент разбудил своими криками работников морга. Он жаловался на холод, на неожиданный перевод в другое отделение и – самое главное – на крайнюю некоммуникабельность соседей: никто с ним и разговаривать не стал. Конечно, Костик всё перепутал и отвёз не того, а тот, протрезвев в хорошо кондиционируемом помещении, захотел прояснить ситуацию.

Всё это Костик рассказывает самозабвенно и громким голосом, не забывая при этом гнуть Витино колено. Витя честно старается, но колено порядком заржавело, и в конце концов он кричит:

– Ай, больше не могу!

Костик останавливается и возмущённо смотрит на пациента, он даже назад подался от возмущения:

– Так! Чтобы я этого больше не слышал! Это я решаю, когда ты больше не можешь, понятно?

И такой у него вид, что без смеха не взглянешь. Ну, все и смеются. И я в том числе, хотя мне-то чего: когда-нибудь Костик придёт и за мной.

Времени 10.30.

Пришла мама. После операции она ходит каждый день. И до операции ходила почти каждый день. В такой каждодневности нет нужды, человек всегда приспособится, но как же мне всё-таки повезло! Вон к Вите жена приходит только по пятницам, а к одному человеку, который упал с девятого этажа – так к нему вообще никто не ходит! Профессорский обход ещё не начался, поэтому мы решаем быстренько осуществить гигиеническую процедуру, то есть поменять бельё нательное и постельное, почистить зубы и протереть меня спиртом, поэтому я всегда мужчина чистый, хотя и малость запущенный. Что сразу бросается в глаза и производит впечатление, так это моя худоба. Я поступил сюда в количестве 96-ти килограммов, а сейчас осталось, дай бог, 70. Это на глаз, нас тут, естественно, не взвешивают. Но с другой стороны, я ведь так долго и безрезультатно хотел похудеть! Может, где-то там и было, наконец, принято моё страстное желание, и меня избавили от лишнего веса таким вот способом. Ведь где-то там средств не различают – вот похудел я, и поставили галочку: желание исполнено.

Когда я думаю о том, сколько пришлось маме вынести,

то всякий раз не могу сдержать слёз. Чего стоил хотя бы тот врач из реанимации, который сказал ей, что мои травмы несовместимы с жизнью. А девушка из приёмного отделения прочитала из фамилии Петра только первые три буквы – Зах, решила, что это, конечно, Захаров, и так и написала в сводке, обрекая семью Петра на три страшных дня неизвестности, пока Пётр лежал без сознания.

Итак, обход закончился во всём отделении, я лежу, морально сломленный коварством профессора, а Пётр меня утешает. Опять входит Олег Павлович. Он направляется прямо ко мне, вид у него возмущённый:

– Нет, что вы делаете? Я десять дней выбиваю ему операцию, а он тут демонстрирует чудеса ловкости!

– Олег Павлович, – я пробую оправдаться, – я же не знал, что он за этим, я думал...

– Он думал! Вы должны были требовать операции, это ваше здоровье и ваше право! А вас как приучили быть просителем, так всю жизнь просителем и ходите.

Что ж, в принципе верно: наследие проклятого прошлого. Но Олег уже остыл и улыбается:

– Ладно, я вас отстоял, будет операция. Во вторник, как и намечали.

Я облегчённо вздыхаю и благодарю.

Олег кладёт на кровать историю болезни и говорит маме везти меня на рентген, а после на перевязку. В принципе, это обязанность санитаря, но поскольку на эту категорию в

институте дефицит, то больных на мероприятия возят, как правило, родственники и посетители. Везти нужно прямо на кровати, снабжённой колёсиками, но кровать тяжёлая и далеко не новая, и мама просто не потянет. Она раз попробовала и после отлёживалась дома со спиной, поэтому она идёт искать санитаря Сашу. Саша это, конечно, персонаж. Кроме транспортировки больных по указанию врача, он обеспечивает и широкий спектр частных услуг. Не бескорыстно, разумеется. Вот и сейчас мама ловит его в коридоре, договаривается о размерах компенсации, и Саша появляется у нас в палате. Вы помните Трубадура из первого мультфильма «Бременские музыканты»? Здесь то же лицо и причёска, только Саша темнее, конкретнее и старше.

Пока мы едем, он рассказывает про своего деда, который партизанил в войну, а после был обижен коммунистами, причём делает это с таким чувством, будто война только закончилась, и дед до сих пор ходит по коридорам советской власти. Рентгеновский кабинет на другом этаже, поэтому мы едем на грузовом лифте. Поток пользователей большой, и лифт приходится ждать подолгу. В другом крыле пустили было ещё один, но у него оказалось ручное открывание дверей. Лифтёр выдержал полдня, после чего они сами же лифт сломали, и теперь он в ремонте. Эти подробности я узнаю из разговора Саши с лифтёром.

В рентгеновский кабинет, как всегда, очередь из кроватей. Есть в ней что-то неестественное, она похожа на баржи

в очереди под загрузку. Саша ставит меня в конец, приветствует коллег по санитарному цеху, заходит в рентгеновский кабинет и начинает ругаться с врачом. Истоиво и с ходу, как бросаются в бой бойцовые псы. Иногда мне кажется, что всё это лишь часть положенного ритуала. Врач отвечает столь же истоиво и даже выбегает из кабинета в крайнем возмущении. Пока она бежит, Саша ведёт с коллегами оживлённый разговор о больничной системе, срывая все и всяческие маски.

Дождались. Саша завозит меня в светлый просторный кабинет, ставит под аппарат и выходит. Мне нравится в этом кабинете: здесь другой вид из окна, чисто не на показ и свежий воздух. Некоторое время я лежу один и наслаждаюсь переменой обстановки, затем появляется врач. У неё хмурый, пограничный с тревожным вид, жилетка поверх халата, неуставные брюки и во рту явно не хватает папиросы. Она показывает, как положить руку, устанавливает аппарат и уходит. Аппарат издаёт звук ожившего терминатора, врач появляется снова и просит развернуть руку. Всё повторяется. Она выходит в третий раз и говорит, что теперь хорошо бы положить ещё и вот так. Я скептически хмыкаю, и она понимает, что хочет невозможного.

– Ладно, подожди, сейчас запишу в историю.

Она записывает очень быстро и отдаёт мне историю болезни. Саша вывозит меня в коридор, в котором осталась только одна кровать, и везёт к лифту. Вдруг на ней приподнимается очень бледная девушка и кричит:

– Эй! А как же я?

Саша оборачивается на ходу:

– А тебя кто привёз, Андрюха?

– Да, Андрюха! Вы не знаете, где он?

Саша благодушно фыркает:

– Сейчас протрезвеет – придёт.

И мы сворачиваем к лифтам.

Времени 13.50.

Не заезжая в палату, едем к перевязочной. Она занята. Саша оставляет меня и идёт звать маму. От перевязочной до нас два шага, с этим мама справится, поэтому Сашины функции кончаются здесь.

Времени 14.20.

Как раз вернулись к обеду. На обед сегодня суп овощной, капуста под общим названием солянка и напиток шиповник. В отличие от завтрака, обед никто не берёт, предпочитают своё. Естественно, никто, за исключением Вити. К нему уже пришла жена, он уже размялся домашней пищей, так что обед сейчас в самый раз.

На первом этаже есть приличный буфет, мама идёт туда и спрашивает, не нужно ли кому чего. Витина жена просит купить ей салат «эстонский».

– Эстонский? – мгновенно включаюсь я, – сейчас вернулись люди из буфета и сказали, что эстонского нет.

– Странно, всегда же был?

– Вчера в соседнюю палату положили эстонца, так род-

ственники всё размели!

– Ну, надо же, – в её лице искреннее огорчение, – ладно, купите мне из курицы.

Мама уходит, пряча улыбку. Пётр идёт в наш туалет мыть посуду. Я рассказываю ему про жестокого Андриюху, бросающего слабых девушек, и тут в наш разговор врзается Витя. Как всегда, бескомпромиссно, сжигая за собой все мосты:

– Что, Пётр, пошёл тарелки мыть?

Пётр кивает и идёт дальше. Витя улыбается.

Времени 16.00.

Мама только что ушла, жена Вити ушла раньше. Приходили родственники к Володе, в первый раз, поэтому они долго пытались поговорить с нашим врачом, дабы что-то понять и как-то улучшить, долго курили с Володей на балконе, бегали в аптеку, в буфет, но ушли и они. День вступил в фазу, когда желание нового притупляется, и ветер перемен начинает блуждать в лабиринтах статичности мира. В такие моменты легко представить, что праздничное небо это лишь плёнка вроде фольги, разорвав которую увидишь пустоту. Так и не рвите, зачем вам? Конвенции ведь тоже не дураки писали, а жизнь всё равно полна неожиданностей!

Вот неожиданно распахивается дверь, и входит Вера. Вообще, время неурочное, посещения больных с 17 до 20, но поскольку я лежачий, то на меня есть специальное разрешение, допускающее в любое время. И уж одноразовый виртуальный пропуск всегда можно купить от 50 рублей у охран-

ника. Вера пришла в первый раз, она проживает далеко и навевается к нам нечасто. В её лице смешаны отчаянье и сострадание в пропорции один к двум, в руках большой синий пакет. Она подходит ко мне и целует, как, должно быть, сердобольные дамы в лазаретах целовали героев 812-го года. Я рад ей. Она непростой человек, что называется, странная, но прекрасный друг, а это дорогого стоит.

– Ну, как ты? – спрашивает она тихо, и уже по ней видно, что ответ ей известен и приводит её в содрогание.

– Я хорошо, – говорю я.

Но такой ответ её не устраивает, и она его просто не слышит.

– Ты, наверное, думаешь: но почему *я*? За что *мне* такое ужасное наказание? – она выделяет местоимения, – и я тебя в этом очень хорошо понимаю.

Здесь я останавливаю её сильным в смысле экспрессии жестом (слабым её не остановить) и говорю:

– Нет, я так совершенно не думаю.

Вера смешалась, но ненадолго, она уже вошла в образ, и так просто её не собьёшь.

– Да, я понимаю, но обычно в такой ситуации человек думает: почему *я*? За что *мне* такое? И я тебя в этом очень хорошо понимаю.

Мне уже смешно.

– Вер, – я пытаюсь скрыть улыбку, – я так *не* думаю. Я вообще об этом никак не думаю.

– А что же ты делаешь?

– Что делаю? Просто чувствую.

– Что чувствуешь?

– Радость.

– Радость?

Она оглядывает меня, оглядывается вокруг, словно хочет убедиться, что глаза её не обманули и всё показали правильно.

– А что же здесь радостного?

С тех пор, как пришёл в себя, я чувствую эту радость. Она чиста, как звёздная пыль, и торжественна, как парад планет. В самый первый миг я уже знал, что это послано мне во благо.

– Во благо? Ты выпал из жизни, у тебя было две операции...

– И скоро третья, – добавляю я.

– Скоро третья, и это во благо?!

Зря я так. Вера целиком живёт в своём мире, и вещи, которые находятся за его пределами, она не воспринимает. В силу этого говорить с ней очень трудно. Или очень легко. Это как посмотреть, потому что говорит всегда только она, и единственный способ принять участие в разговоре это соглашаться с ней или попросту кивать. Сейчас моё бедственное положение обязывает её слушать, и ей от этого неуютно.

– Да нет, конечно. Это я шучу, хотя действительно нет худа без добра. Ты помнишь, как я хотел похудеть, и всё не

получалось? А теперь посмотри на меня: минимум двадцать пять килограммов!

– Да, ты классно выглядишь.

– Вот видишь. А ещё я лет двадцать не ходил к врачам и вот решил хотя бы сдать все анализы, да времени не находилось? А тут я сдал столько анализов, что до конца жизни хватит. А лекарства? В жизни не пил лекарств, а тут прошёл уже 2 полных курса антибиотиков, и ещё пройду...

Я вижу, как её лицо, просветлевшее было, снова хмурится:

– Ты опять шутишь?

– Вер, как тебе удобно, так и понимай, хорошо?

Она думает, потом неуверенно говорит:

– Конечно, классно, что ты в твоём положении воспринимаешь всё с юмором.

Ну, вот и славно, инцидент исчерпан, и далее наш разговор приобретает свою классическую форму. Вера рассказывает об общих знакомых, о своих непростых отношениях с мужем, о непонимании дочери. Я киваю, задаю наводящие вопросы, произвожу уместные восклицания, и мы прекрасно проводим время.

Времени 18.00.

Ужин.

– Ребят, ужинать будет кто?

Пётр берёт одну рыбу с картошкой, один напиток и относит по адресу. День превращается в вечер, солнце понемно-

гу садится...

...садится солнце красно-золотое
и вновь летит
среди жёлтых нив волнение святое
овсом шумит...

нет ничего, и ничего не будет
и ты умрёшь
исчезнет мир, и Бог его забудет
чего ж ты ждёшь?..

Это Андрей Белый. Я не уверен за побуквенную точность, но это Белый. Мне нанесли много книг, они заняли весь подоконник. Казалось бы, читай – не хочу, но я, как правило, не хочу, потому что кровать забрала у меня и это удовольствие: слишком быстро устаю. Не травма страшна сама по себе, страшна кровать. Травма имеет тенденцию к заживлению, кровать незаметно высасывает из тебя жизненные силы. Со стороны может показаться (я сам так и думал), что вот полежал человек в гипсе месячишко, потом гипс сняли, костыли в руки дали, и он поскакал, как ни в чём не бывало. Когда мне, наконец, разрешили сесть на кровати, у меня так закружилась голова, что я схватился за простыню, чтобы не упасть, хотя падать мне было совершенно некуда. Помнится, я высидел тогда минут пять, после чего лёг с нехорошей болью в спине и впервые подумал о том, что мне предстоит. Ведь любая травма, да ещё с последующим хирургическим вмешательством, нарушает равновесие всей вашей системы,

а не только определённого участка.

Времени 19.00.

Пришло сообщение от МТС: на ваш счёт поступил платёж 3000 рублей. Ничего себе! Впрочем, я, кажется, догадываюсь. Я набираю Верин номер:

– Это ты?

Она смеётся:

– Да, это я. Общайся на здоровье.

Ну, что я вам говорил?

У нас идёт обычная предвечерняя жизнь. Я пытаюсь читать, Витя съел ужин и читает, Пётр иногда выходит из палаты, иногда приходят к нему и ведут с ним несложные переговоры. Зашёл Олег Павлович, он назначил Володе определённые уколы и теперь хочет проверить, как выполняется его назначение. А никак. Олег разводит руками, закрывает глаза, поднимает брови – жест великого смирения – и идёт к медсёстрам. Минут через 15 вбегает Тамара, велит Володе повернуться, спустить штаны, и выполняет назначение.

– Зачем же вы ватку бросили? – спрашивает Володя укоризненно.

– А что такое?

– Я бы отжал, у меня и баночка специальная есть.

Тамара фыркает, хотя наверняка слышит это не в первый раз. А Володю сегодня не остановить:

– Говорят, в 15-ю положили молодую женщину. А чего не к нам?

Тамара, уже в дверях, оборачивается и с жалостью бросает:

– Господи, что вы с ней делать-то будете?

Вот так, и Тамара не без юмора.

Времени 20.30.

Ну, что там ещё осталось? В 21.00 у всех вечерний чай и закрытие на сегодня последних счетов с пищей. А пока Володя включает телевизор. Он остался в палате от Юрчика, который упал с восьмого этажа. Да, я помню, что говорил о человеке, упавшем с девятого, но это совершенно разные люди, неужели не ясно? Тот упал с девятого, а Юрчик – с восьмого! Ему было 19 девятнадцать лет, но из-за коротко стриженных белых волос и прозрачной худобы он казался не старше пятнадцати. К своему счастью, он не помнил момента падения, зато помнил, что к нему пришли друзья, и они хорошо выпили. Потом легли спать. Потом Юрчик проснулся, потому что захотел курить, и вышел на балкон. И всё. Окончательный провал до самой реанимации. В которой не обошлось без весёлого курьёза. У Юрчика на левой ноге ниже колена сквозная дырка: в реанимации просверлили ногу и вставили штифт. Но тут же выяснилось, что ногу перепутали, поэтому штифт вытащили, просверлили правую и вновь поставили штифт. Потом, когда его привезли в обычное отделение, пришёл Олег Павлович и окончательно выяснил, что ногу просверлили правильную, но не в том месте. Пришлось сверлить ещё раз. Вам, конечно, любопытно, что

бывает с людьми, упавшими с такой высоты? Только давайте уточним, с какими людьми – трезвыми или пьяными? Что бывает с трезвыми, я даже говорить не хочу, а вот к Юрчику, если помните, пришли друзья. Вполне вероятно, что друзья спасли ему жизнь в тот вечер. Правда, могут возразить, что если бы они не пришли, то ничего бы и не было, но это уже софистика. Что же, прикажете теперь вообще не дружить? Ну, короче: сотрясение мозга, повреждение двух позвонков, перелом бедра. И всё.

Юрчика привезли в паре с Сашей, который пал жертвой государственной необходимости. Машина, в которой он ехал, застряла в пробке в крайнем левом ряду. Кроме Саши в ней были ещё два человека. Впереди стояла машина милиции. Стояла, стояла и вдруг молча пошла на разворот через двойную сплошную линию. Видимо, поступил тревожный сигнал о том, что кто-то кое-где не хотел честно жить. Нельзя было терять ни секунды! Однако выполнение задания чуть было не оказалось под угрозой со стороны КАМАЗа, некстати едущего навстречу. Хорошо, что водитель успел-таки свернуть влево, и в тот вечер преступности был нанесён очередной удар. Правда, КАМАЗ подмял машину, в которой сидел Саша с друзьями. Сначала собственным весом, а после ещё и прицепом. Друзья погибли. Саша, поскольку был на заднем сидении, отделался тремя переломами и удалением желчного пузыря.

Уходили они тоже вместе: Юрчика забирали в нейрохи-

ругию, а Сашу выписывали. Я хорошо помню его в тот день, он сидел на кровати освещённый солнцем, улыбающийся, одетый в гражданское, будто сам к себе пришёл посетителем.

Да, так Володя включает телевизор. На одном канале на сцене юродствует хитрец, перед сценой сидят простые люди и от души веселятся. На другом ведущий с ледяной скорбью вещает о том, что уже давно изобретены и продолжают изобретаться альтернативные источники энергии, но в мире существует некая сила (пришельцы не исключаются), которая тщательно отслеживает этот процесс, внося в него коррективы – например, устраняет изобретателей. Можно подумать, что если, наконец, появится такой источник, то люди перед сценой перестанут быть простыми, а хитрец начнёт их уважать. На третьем показывают отечественный сериал, в котором чувствуется неплохой бюджет, но, честное слово, неловко смотреть про XIX век, в котором почти все благородные дамы были бы уместны в роли ведущих МУЗТВ даже без перемены костюма, а почти все благородные кавалеры кажутся менеджерами сомнительной фирмы.

Пётр берёт электрический чайник, на всякий случай спрашивает, все ли будут чай, выключает с общего согласия телевизор и идёт за водой, а мы начинаем готовить чашки. Всё необходимое стоит у меня на тумбочке, и тумбочку эту стоит помянуть добрым словом. В ней четыре уровня: два это внутренние ящики, третий это собственно поверхность, а четвёртый приподнят над третьим на маленьком шесте, что

даёт ему возможность возвращаться. В тумбочке находится всё то, что мы носим с собой по больничной жизни.

Чай должен быть крепким, горячим и сладким. Чтобы соблюсти этот принцип, я кладу в чашку три куска сахара и пакетик чая с бергамотом, который останется на всё время чаепития. А тут и вода поспела. Пётр обходит каждого с кипятильником, и начинается самое хорошее время – время рассказов. Главный рассказчик у нас Пётр, а мы располагаемся вокруг него, будто солдаты у костра после дневного перехода. Горит длинная белая лампа, сообщая предметам и лицам загадочные тени, Пётр со своим лукавым видом рассказывает случай из армейской жизни, потом о зимних повах волков, и столько покоя сейчас в нашем маленьком замкнутом мире, что по душе разливается тепло. Я, как солдат на фронте, уверен, что самое главное это закончить войну, и жизнь будет просто замечательной. Солдату и в голову не придёт, что настоящие проблемы начнутся именно в мирной жизни. Иногда в рассказ врубается Витя, как одинокий рыцарь в полчища сарацин. Я слушаю, попиваю горячий сладкий чаёк, смотрю в окно. Над огромным городом восходит огромная луна бледно-золотого оттенка.

Времени 21.45.

Сейчас будет вечерний обход, и дежурный врач спросит, на что жалуемся и не надо ли кому обезболивающий укол. Потом придёт дежурная сестра, чтобы исполнить назначения Олега Павловича. Потом впереди будет только ночь. И я на-

чинаю ждать утра.

БИБЛИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

За окном рассвет, перед окном подоконник, на подоконнике мои книги. Они пока все тёмные и одинаковые, как лица людей, едущих утром в метро, но за каждым из них своя судьба. Книг много, но сейчас меня интересуют «Страсти Христовы». Я на всякий случай изменил до неузнаваемости имя автора, но если какое-то сходство всё же останется, спешу заявить, что оно случайное и ненамеренное. Итак, назовём его Строгов. На обложке голова Христа из фильма Мэла Гибсона. Смотрели? Хороший фильм, в нём чувствуется удачный мистический фон, напряжённость сцен, солидный бюджет. Нет только одного – объяснения величия жертвы Христовой, ответа на вопрос, зачем он добровольно шёл на Голгофу через земной ад людской жестокости и непонимания?

Господи, какую чушь несут люди, когда задаёшь им этот простой вопрос: зачем Христос взошёл на крест? Или даже снизошёл до креста? Он взял на себя грехи наши; он искупил грехи людские; он своей кровью смыл грех с человечества. Ответ всегда отлетит от зубов! Но ведь эти слова могут означать одно, могут и другое, а могут и вообще ничего. Это как сказать «я тебя люблю». Естественно, у этой фразы есть свой номинальный смысл, то есть, как бы понятно, о чём речь, но конкретное значение в неё вкладывает лишь говорящий. И

если задать следующий абсолютно логичный вопрос «а как он мог таким образом искупить грехи людские?», то здесь уже никакого «от зубов» не будет: ну... то есть... как это... А если вослед задать ещё один, то и вовсе без ответа останешься.

В книжке определённо прослеживаются 4 главных тезиса:

1. «Бог не просто есть – Он действует. Без пауз. И нет в сотворённом Им мире силы, способной помешать Богу сделать так, как Он хочет».

2. «У Него было столько любви, что Бог решил поделиться ею с кем-нибудь ещё». Это про сотворение мира, которое, по Строгову, явилось «актом любви».

3. «Библия... не объясняет, кто Он такой. Зато она рассказывает о Его делах и предлагает самим догадаться: каков же Бог, поступающий вот так? И в этом смысле Библия – увлекательнейший детектив».

4. «История, которую христианство рассказывает миру, это и есть история о Блудном сыне».

Их истинность для Строгова несомненна. И даже не так: это само собой разумеющееся. Про сотворение мира он прямо говорит, что не знает, почему был создан мир, но знает, зачем. Ну, знать он этого никак не может. Утверждая подобное, он лишь демонстрирует полноту своей веры, которая по определению не допускает сомнений. Но ведь это Строгов не сомневается, а у меня вот есть вопросы. Не глобальные вроде «быть или не быть?». Я обычный человек, мне неинте-

ресно копаться в мистическом эстетстве Каббалы или экста- тической утонченности суфизма, потому и вопросы мои са- мые простые. Например, по поводу утверждения о том, что бог действует каждую секунду, и нет в созданном им мире силы, способной помешать и т.д. (см. тезис №1). То есть, бог всемогущ и всемогущ. А стоит ли связываться с этим утвер- ждением? Ведь оно в точности подобно детскому «мой папа самый сильный» и только вносит путаницу. Вспомните из- вестную вилку «Способен ли бог создать такой камень, ко- торый сам не сможет поднять? Если не способен, то он не всемогущ, а если способен, то не всемогущ». Хотя это как раз пример чистого словоблудия, это то же самое, что спросить: «Может ли голубь закурить?». И ответить: «Если может, зна- чит, он птица умная, а если не может, то глупая». И потом, раз мир был сотворён богом, то силы, противодействующей богу, не может в нём быть по определению. Но это всё так, для разогрева.

По Строгову, Библия есть «увлекательнейший детектив... главная улика которого спрятана во второй книге Исход. Главное событие, на основании которого мы должны соста- вить свой портрет». Имеется в виду портрет бога. Что ж, да- вайте попробуем.

Суть Исхода в том, что израильтяне попали в рабство к египтянам, которые использовали их на тяжёлой примитив- ной работе. По тексту Строгова так: «Бог создал людей для того, чтобы они были счастливы. А вместо этого люди стра-

дали от жестокого и бессмысленного существования. Бог создал каждого из них, как своего единственного ребёнка. А жизнь, которую они теперь вели, была слишком тяжела и бессмысленна даже для животных». У меня в этой связи уточняющий вопрос: а кто создал египтян? Из приведённого выше текста получается, что Строгов считает людьми только израильтян. Следовательно, только они были созданы богом. Кто же тогда создал египтян – какой-нибудь египетский бог? Значит, библейский бог создал не весь мир? Значит, он делил его с другим богом? Да нет, по Библии египтян также создал библейский бог, вспомните историю с Башней. Но тогда выходит, что и египтяне потомки Адама и, таким образом, создания божьи. И за что бог на них взъелся? Они-то как раз были довольны, то есть, жили именно так, как, по Строгову, хотел бог, создавая «людей для того, чтобы они были счастливы». Что? Египтяне избрали другого бога? Значит, другой был сильнее. Или израильский бог сам их отпустил, а потом сам же и наказал. За то, что поддались на провокацию, что ли? Или египтяне были эксплуататоры, и бог принял сторону пролетариев? Или что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.